

Эндже Тляшева

Цветок Волхов

Эндже

05.06.20

Эндже Тляшева
Цветок Волхвов

«Автор»

2026

Тляшева Э.

Цветок Волхвов / Э. Тляшева — «Автор», 2026

Хотели бы вы стать тем, на кого надеяться и кого страшатся? Домовёнок Лирик в душе боялся этой судьбины, и его ночной кошмар обернулся явью. Теперь ему, новому стражу врат времени, предстоит преодолеть страх и сомнения и остановить короля Армана, несущего верную гибель для всех домовых. Окунитесь в волшебные приключения Великого континента, где одно прикосновение к прошлому может изменить всё. Сможет ли Лирик уберечь путь к прошлому – или все домовые обречены на гибель?

© Тляшева Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1 «Избранный избой»	6
Глава 2 «Подарок судьбы»	15
Глава 3 «Пробуждение»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эндже Тляшева Цветок Волхвов

Предисловие

Дорогие читатели, данная книга является частичкой вымышленного мира, в котором присутствуют элементы разных народов мира, включая русского и татарского. А также мой мир переплетается с нашей современностью.

Зная, что не все обладают знаниями про меру длины у славян, я не поленюсь предоставить короткий, но понятный список длин.

Пядь — 17,8 см

Локоть — 35,6 см

Аршин — 0,71 м

Сажень — 2,13 м

Косая сажень — 2,48 м

Верста — 1,06 км

Поприще — 21,2 км (20 вёрст).

Посвящается моим деревенским домовым, родителям и ненежке (бабушке).

Глава 1 «Избранный избой»

Испокон веков домовые незримо охраняли семейный покой и наполняли дом уютom, оберегали людей и скотинку от болезней и бед и не давали прохода в дом тьме. Они — Хранители Очага, потомки бога Велеса — жили совсем рядом с человеком и одновременно совсем далеко, аж по другую сторону мира, в Прияви. Человек до поры до времени только чувствовал присутствие невидимых домовых и верил в них, пока границы не размылись — цветки Волхвов распустились.

Сундук, епанча¹, новые лапти мирно ждали своего хозяина у входа. Часы тик-такали, и стрелки медленно, но верно близились к девяти утра. Бичура — женатая домовушка — в лоханке, на кухне, плеща водой, смывала грязь с посуды. По всему дому витал аромат свежей, горячей цыпляткиной каши, сваренной молодой бичурой. На этот аромат, сонно потирая очи, из другой комнаты выбрался совсем молоденький домовёнок. Ему исполнилось всего-то четырнадцать колотунов — пора, когда домовята вправе уходить в свои дома, но всё ещё находясь под родительским крылом. Пока Лирик ещё жил с родителями, хоть и берестяная грамота о завершении школы уже лежала на полке.

Домовёнок зашёл на кухню уже одетый в привычную белую косоворотку с зелёным орнаментом и серые шаровары, но ещё не причесавшийся. Матушка встретила проснувшегося сына доброй улыбкой и достала горшок с кашей из печи.

— Причёска поистине домовячья!

Лирик, через сонливость улыбнувшись, сел за стол и просипел:

— С добрым утром, матушка!

— С добрым, Лирик! Ты все вещи подготовил?

— Ага...

— Смотри, ничего не забудь! — серьёзно промолвила матушка, ставя кашу на стол, и добавила весело, убрав на место ухвач: — Скорее всего это твой последний суховой у Кина, поэтому развейся по полной!

Лирик мельком кивнул, и улыбка его сошла на нет. Каждый суховой домовёнок приезжал к лучшему другу погостить, пока шла учёба — теперь же она окончена, и как раньше уже не будет. От этого осознания Лирик, пригорюнившись, медленно мешал кашу. Благо ушки его от подступающей тоски не опустились, и матушка не заметила грусть сына. Да и она длилась недолго: пока домовёнок нехотя ел свою кашу, мысли переменялись на иной лад. Всё равно звонить друг другу будут! А, может, иногда погостят друг у друга. Немного. Так Лирик вновь радостно засиял от скорых беззаботных проделок с Кином. Он быстро позавтракал, не теряя времени, попрощался с родителями и двинулся в путь.

Лёгкий ветерок трепал каштановые волосы Лирика. Домовёнок с наслаждением вдохнул воздух. Очередной суховой, самый жаркий сезон в году, вступал в свои права, дальше за ним шли золотая хлябь, морозный колотун и распускающая зелёные листочки зазелень. Одначе, ныне стояла прохладная погода. Солнце, уже выкатившееся из-за горизонта, нежно ласкало ещё не палящими лучами, и только крыша новой высокой станции, преломляя их, спасала путников от яркого света. Вблизи от станции, в траве, на которой сверкали оставшиеся росинки, стрекотали кузнечики. И духи, и люди, укутанные в епанчу, дабы их не продул утренний ветер, ждали свои повозки, брички, а кто-то, как и Лирик, — экипаж, запряжённый конекрылами, который летел по воздуху намного быстрее, чем бричка — по земле.

Полчаса пролетели для домовёнка мимолётно: он успел и послушать чириканье воробья, и вздремнуть. Да что уж там! Он даже успел услышать очень любопытный разговор. Худоща-

вый, точно Кощей, юноша засунул в рот мяту и обратился к домовому, который распластался на половину скамейки:

— Слушай, брат, а если бы ты стал Дарованным, чтобы ты делал?

— Ну... Не ведаю, — вяло отозвался тот. — И ведать не хочу! Одни только беды от этих Даров... Особенно от Дара прошлого! Сколько детишек от него пострадало! Ужас кой-то!

Вскоре друзья на прощание хлопнули ладонями в рукопожатие, и домовой, пошатываясь, скрылся в кустах. На радость Лирика, «Кощей», от которого невыносимо несло потом, вскоре уехал, и на станции остались только домовёнок и старушка в цветастом платке. Именно тогда с неба приземлились два сиреневых красавца-конекрыла, тянувшие кремовый экипаж.

— Путь от города Утск до города Меньшиково, — объявили на станции.

Лирик схватил рукоятку сундука — его повозка. Одначе в Меньшиково ехал не только домовёнок, но и та незнакомая старушка: два путешественника столкнулись около экипажа. Лирик надеялся на два места, но кучер сухо отрезал, словно читая мысли домовёнка:

— Место одно. Садитесь кто-нибудь быстрее!

Лирик, ухватившись покрепче за сундук, в замешательстве взглянул на спутницу. Старушка поникла и, изнурённо укатывая чемодан под крышку остановки, устало бурчала:

— Эх, знамо³... Придется ещё ждать повозку.

У Лирика в душе ущемила жалость, и, словно связавшись невидимыми нитями с душой домовёнка, погода испортилась: лиловые тучи затянули толстым пластом небо, а лёгкий ветерок начал набирать силы, разнося мелкие капли.

— Ты либо садись, либо иди отсюда! — раздражённо крикнул кучер.

Лирик, метая взглядом за что-нибудь зацепиться, хотел было залезть в повозку, но, проиграв в борьбе с жалостью, тут же побежал к старушке, голося во всю глотку:

— Сударыня, ежайте! Я поеду на другой!

Пожилая ялкынка просветлела; это стало заметно не только по её очам, но и по оттенку лица, которое налилось румяным персиком.

— Ой, мболодец, спасибо тебе! Дай, Всевышний, тебе здоровья! Погоди... Не Кирилл ли ты?

Этот вопрос привел в замешательство Лирика: он медленно помотал головой, в изумлении приоткрыв рот. Старушка только хмыкнула и, насколько позволяли ей ноги, быстро двинулась к экипажу.

— Ну и ладно... — разочарованно выдохнула она, и, садясь в повозку, крикнула: — Удачи тебе, касатик!

Лишь когда экипаж с незнакомкой по сигналу угрюмого кучера улетел, Лирик спокойно выдохнул. Некоторое время спустя подлетела новая карета с тем же путём: Лирик забрался туда и удобно устроил сундук. Невольно ему вспомнился разговор того «Кощей» и домового.

Что за Дар прошлого этот? И как он сгубил детей? Впрочем, это неважно. Главное, что Лирик не Дарованный. И на том благодарил домовёнок богов.

Дарованных во всём Великом континенте считали духов, имеющих особые силы, каких нет у обычных. Появлялись силы эти с прикосновением светящегося цветка Волхвов. Отношение к этому растению, как и к самим Дарованным, разделялось на три лагеря: одни питали надежду на крепкий щит от наделенных силой; другие, суеверные, наоборот, сторонились избранных; а третьи просто жили и никого не трогали.

Конечно, имелись и духи, что завидовали таким «избранным», но шанс получить этот Дар равнялось распусканию цветка папоротника. Да и пробивались сквозь снег эти чудные растения раз в четыре колотуна.

Лирика пугало это явление, но к Дарованным он плохо не относился. Просто для домовёнка эта ответственность казалась невыносимой. В его фантазии всё более и более всплывали ужасные картины, где всё развалено и горит, женщины с детьми плачут, мужики мечутся,

пытаясь всё исправить — а виной всему Лирик, не сумевший управлять силой. От столь пугающих мыслей домовёнок насильно выдёргивал себя из рушащегося мира и наблюдал за чем-то хорошим.

Наконец, всё же, поборов страх высоты, Лирик отдернул шторку от окна и взглянул на Ялкынию с высоты птичьего полёта. Конекрылы словно скоча по невидимой дороге уносили вперёд экипаж над жидким покрывалом облаков, меж которых просвечивались бескрайние ещё зеленоватые поля ржи и криво петляли усыпанные известняком дороги. Великая ялкынская река Ай где-то насыщалась дождевыми каплями, а где-то блестела серебром под солнцем.

Природа порой разбавлялась деревеньками, но вскоре сменилась на городской пейзаж. Небольшие деревянные домики со старой часовой встречали успокоившегося Лирика. Наконец повозка, глухо ударившись об землю, затормозила, оставляя за собой неглубокую колею.

— Остановка Меньшиково, — объявил кучер.

Лирик ловко спрыгнул с сундуком в руках с повозки и не медля сел на другую, земную бричку, державшую путь в деревню Сынмаган.

Солнце уже взошло в зенит и безжалостно пекло вокруг. Лирик ещё не успел отойти от дрёмы, но уже брёл к нужному дому коротким путём — через пролесок от остановки. Наконец деревья расступились, показывая новую, в два этажа, избу с зелёной крышей и без Хранителя Очага. Следом за ней вытянулся в длину кирпичный дом Кина.

Лирик вскарабкался на пригорок: считай, финиш пути. Но не успел домовёнок выйти из леса на улицу, под ногами прошёлся маленький вихрь, заплетаясь в ногах Лирика, отчего тот грохнулся на землю, придавив ногами что-то пушистое и тёплое. Сундук прокатился по земле, оставив за собой широкую полосу, а Лирик, выплюнув кусочки земли, встал, отряхивая перевязанную салатовым поясом косоворотку и шаровары-штаны. Епанча тоже замаралась в пыли.

— Эй! Нельзя поаккуратнее?!

Рыжий котёнок с коричневыми полосками, точно маленький тигрёнок, возмущённо посмотрел на домовёнка, который поджал губы и побледнел малость. Волна жара накрыла Лирика, и душа в испуге колыхнулась.

— Эм... Ну... Как бы... Это... Извиняй... Не хотел...

— Пф, не хотел он!

Котёнок, ещё раз фыркнув, мотнул мордашкой и вальяжно скрылся в зарослях. Живот Лирика скрутился больше не от заносчивого отношения к нему, а от своей неуверенности. Ведь в душе Лирик понимал, что виноват-то не он, а котёнок, который неожиданно выпрыгнул из кустов.

Он, подняв сундук, поплёлся к Кину, проходя новую избу. Красавица с навесным балконом и террасой-верандой украшалась изумительной резьбой: как и завивающимися цветами на наличниках, причелинах, жар-птицей, расправившей крылья на карнизе, так и волнообразными колоннами. «Украшение улицы, — с гордостью молвила хозяйка Кина каждому гостю. — Как я рада, что она принадлежит моей дочери и мужу её!»

Лирик остановился у деревянного забора, окружавшего избу, и провёл по нему рукой, с наслаждением зажмурил очи. Если бы он оказался Хранителем дома, то верой и правдой охранял бы его!

В тот же миг что-то окутало ладонь, тёплое, приятное: тоненькие золотистые ниточки обвивали руку, тянувшись дальше к юноше.

— Ой, я ж... А родители? Стой, стой! Не сегодня! Не в этом году!

Домовёнок подался назад, но изба держала крепко, а потом и вовсе медленно затягивала новоизбранного. Рывок. Всё, что успел сделать Лирик, — это выронить сундук и пролететь

сквозь забор. Вещи домовячьи засветились и тут же схлопнулись, оказавшись на печи в той самой избе.

Пончик — именно так звали того самого невежливого котёнка — в душе ворчал от увиденной картиной. Он выпрыгнул из травы и помчался к Кининому дому, даже не подозревая о крепких дружеских узах молодых домовых.

— Кин! Кин! У нас проблемы! — завопил котёнок.

Он за несколько секунд взлетел по лестнице на навес террасы, к юноше, который грелся под суховеysким солнцем. Кин — рыжий парень с небесно-голубыми очами — одевался в белую с оранжевой росписью косоворотку, перетянутую огненным поясом, и штаны-клеш того же цвета. Он лежал, свесив ноги и положив руки на живот. Волосы, которые обычно ложились кончиками на надплечья домовёнка, рассыпались вокруг головы, точно солнце, а рядом расположилась пара лаптей. Со стороны казалось, что домовёнок мирно спал.

— Какие проблемы? — безмятежно спросил Кин, не открывая очей. — Опять Рик цветы поломал?

— У новой избы Хранитель появился!

Кин резко поднялся и одарил котёнка осоловевшим взглядом.

— Кой⁵ Хранитель?

— Ну, домовой!

— У оной избы?

Кин головой кивнул на новую зеленую избу.

— Оной, оной! Там тот домовой жуть какой невнимательный!

— Да? — усмехнулся Кин, почесав Пончика за ухом. — И за что ж ты его оклеветал невнимательным?

— Да он пнул меня!

Кин хохотнул, передразнив котёнка. Пончик частенько на подобное жаловался рыжему, а Кина всегда забавляли такие истории, и он с охотой слушал про проказы озорного котёнка.

— А, может ты сам виноват? — закричал Кин, снова ложась. — Вы ж, блохастые, любите путаться под ногами.

Он, заложив руки за голову, преспокойно выдохнул.

— А уступать младым, мр, надо!

— Глядеть по сторонам нужно, — вдруг серьёзно промолвил Кин, нахмурившись: это уже перегиб.

— А это ты ему, или мне? — ехидно улыбнулся котёнок, указывая взглядом на новую избу.

На террасе, сидя на деревянных перилах, Лирик пытался по зеркалову дозвониться до родителей, но постоянным попыткам тянулись долгие гудки. Кин, узрев зеленоглазого домовёнка, протёр очи: неужто от солнечных лучей ему мерещится Лирик?

— Так, я к новому домовому. Если я правильно разглядел того, то это Лирик!

Кин судорожно надел лапти и соскочил с крыши, даже не притрагиваясь к железной лесенке.

— Стой! Зачем к нему идти? Не надо к нему!

Котёнок следом прыгнул за другом, хвост его задёргался в стороны. Пончик сам не ведал, отчего нежелание видеть Кина рядом с тем домовёнком просыпалось, но что-то ему в Лирике решительно не нравилось, словно анчутка нашёптывал плохое про него.

К счастью Пончика, Кин не успел убежать к Лирику — его остановила Карима Фатхиевна прямо у калитки, с крахом разрывая планы рыжего домовёнка.

— Балам⁶, мне помощь нужна. Айда!

Домовёнок не смог возразить, ибо здоровье у хозяйки с годами ослабло, да и неэтично было бы отказывать Кину из-за своих несильно важных дел.

— Иду! Иду... — недовольно пробурчал Кин, понурился.

Конечно, ему пришлось сделать лицо попроще, дабы не смутить хозяйку, иначе осадок остался на душе. Пончик, скрывшийся за углом, облегчённо выдохнул: если на следующий день приезжала дочка с мужем, то дела занимали весь день. И он оказался прав. Сегодня совсем выдохшийся Кин свалился на кровать, напрочь позабыв про друга. Встреча с Лириком решительно отложила на завтра.

Вся деревушка Сынмаган потихоньку пробуждалась: во дворе гостило раннее утро. Солнце только собиралось выкатываться из-за горизонта по красной дорожке рассвета, а птички уже щебетали в лесу и садах людей. Многие смертные и духи, кто спозаранку вскочил с постели, потихонечку выползали из своих домишек, чтобы проводить коров в табун, надоить коз или же сострять завтрак.

Лирик, на своё удивление, проснулся ранешенько, и сон не хотел возвращаться за штурвал корабля, как бы домовёнок не старался уснуть. Пришлось вставать. Полуосвещенная изба казалась куда загадочней, нежели днём. И, несмотря на её новизну, здесь потихоньку оседала пыль: видать, люди затянули с заездом. Лирик понял это ещё вчера, потому тогда же, не сумев дозвониться до родителей, принялся за уборку и провозился весь день. Только вечером, когда он устало свалился на мягкое кресло, вспомнил о Кине, но к тому времени звонить поздненько, настало время спать. Да и на разговор сил не осталось — все были направлены на убранную половину избы.

Потому, не желая терять попусту время зря, Лирик ловко спрыгнул с белокаменной печи, потянулся, размялся и умылся из бочки с краном, а затем, вооружившись тряпкой и ведёрком, двинулся на мансарду бороться со злосчастной пылью.

А там её накопилось намного больше. Домовёнку то и дело приходилось чаще и чаще полоскать тряпку в воде. Как и чихать, и это он делал из раза в раз и, утерев нос, слегка ворчал:

— Да что ж такое?

Но очень-очень старательно продолжал работу.

Комнат на втором этаже Лирик насчитал четыре, но лишь в одной, гардеробной, он прибрался. Там громоздились до самого потолка шаткие, незакрепленные полки: больше всего Лирик боялся лезть на самый верх — там у него сразу же кружилась голова, а ухающее сердце со всех сил боролось с необъяснимой тягой оступиться и полететь вниз.

— Вроде невысоко, а страшно, — подумал домовёнок, с любопытством выглядывая вниз, и ещё сильнее схватился за края полки. — Нет, не смотри. Не смотри вниз. Н-не смотри...

Лирик быстро схватился за тряпку в воде и, второпях выжимая её, расплескал грязные капли на рубаху, которая тоже самую малость замаралась.

Наконец работа завершилась... наполовину. Потому что Лирик, осматривая, нет ли где ещё грязи, по неосторожности опрокинул ведро с водой, и та растеклась огромной лужой, убегая под полки.

— Ёшки-матрёшки, что же я наделал...

Лирик быстро метнулся за тряпкой побольше на первый этаж, ибо собирать такое море маленькой тряпочкой — бессмысленно. Хранилось в кладовке, к радости Лирика, пока немного вещей, и домовёнок смог отыскать ветошь, хоть и пришлось порываться.

Через полчаса та лужа вновь плескалась в уже побольше ведре, и вода казалась ещё темнее. Сонливость внезапно начала борьбу за штурвал подсознания — Лирик потихоньку клевал носом, чувствуя, как голова тяжелеет. Тут что-то щелкнуло в его голове, и он вышел на улицу.

Прохлада хоть и не ощущалась Лириком, но дружно с просыпающимся солнцем сон мигом отогнала. Потихоньку светало, наполняя всю округу золотом. В лесу, что рос на Раль-

ских горах, всюду заливался соловей под веселое хоровое щебетание пташек и пичужек и других птиц. Люди с соседскими домовыми давно занимались своими делами: один мужик ворошит стог сена, мурлыкая весёлую песенку, баба землю рыхлит, а дева кур кормит. Юноша с беззаботным лицом ведёт телят пастись на луг. Домовых на улице не видать, но и те не сидят без дела — убираются, либо кушать готовят.

Лирик взглянул на клумбу ещё не распустившихся цветов и покачал головой: надо бы полить их. Токмо колодец где? Лирик обошёл весь передний двор и, не найдя ничего похожего, двинулся на задний двор.

Как же он обомлел, когда перед взором предстало огромное поле, окружённое забором. Не сказать, что простор простором, однако ж таким количеством земли не всякий похвастается, и если уж говорить, что это владения старшей дочери Кининой хозяйки, а у самой Каримы Фатхиевны земли немало, можно сделать свои выводы.

Около дома примостился деревянный колодец с резной крышей и висящим на балке ведром. Лирик заглянул туда и кроме тьмы ничего не увидел — глубоко. Он случайно крутанул ручкой слишком резко, и до ушей донесся шлепок ведра об воду. Доставалось полное кристально-чистой водой ведро уже с превеликим трудом.

— Заняться опять надо бы, ых, спортом, — натуженно делая последний оборот, Лирик покраснелся. — Фух! Всё!

Тащил ведро Лирик с кряхтением, уцепившись двумя руками в тонкую рукоять. Вода, качаясь колыбелью малыша, плескалась, поливала молодую травку небольшими островками. Но всё же Лирик полил цветы и, к превеликому сожалению домовёнка, одного ведра не хватило на длинную клумбу, выложенную крошечными кирпичами в форме полумесяца. Борьба с ленью и желанием махнуть на цветы рукой началась — Лирик тоскливо водил взгляд по всему, что можно было оглядеть. И тут его взор остановился на доме Кина... Лирика в ужасе передёрнуло — он так увлекся уборкой, что не позвонил Кину! Домовёнок выронил ведро и помчался внутрь дома за зеркалом.

— Так! Где я его оставил-то, а? Где же?... Где же он?! Ый! Тоже из меня друг, взял и забыл про Кина! — Лирик метался по дому в поисках зеркала, обежал все комнаты, чуть ли всё не перевернув, и нигде найти не мог. — Агрх! Надо было вчера сбегать к Кину самому! А не пыхтеть над этим куском стекла!

Лирик устало выдохнул, опершись об угол печки, и тут нащупал ручку с набалдашником цветка. Волосы его встали дыбом, а на лице в такт дергающегося ока растянулась кривая улыбка. Домовёнок пробил лоб рукой.

— Ёшки-матрёшки, да он на печи леж-а-ал!

Лирик схватил зеркало и недоуменно уставился перед собой.

— А... В котором часу Кин просыпается?... У-у-у! Оладушек, да что ж?..

Крик, внезапно раздавшийся на улице, пресек ворчание Лирика, привлекая его внимание. Что такое? Кто кричал? Опять. По всей видимости, на улице громко высказывался под наглый гогот Кин! Лирик рванул на улицу, на бегу бросив зеркало на стол.

— Ой-ей! С девушкой заигрываю я! Ой, беда-то какая! С сестрой самого Кина Толкова!

Домовёнок в возрасте пятнадцати суховей — блондин с рыжими кончиками волос на боку, которые спускались до плеча, драматично положил руку на лоб, изображая несчастного. И тут же из его уст полился язвительный смешок, перешедший в хохот. На Кина, прибежавшего к Лирику, ещё больше легла тень злости. Чуть успокоившийся заигрыватель, покрасневшись и подхихикивая, упёрся одной рукой об забор Лирика, а другой схватился за живот, и с ухмылкой взглянул на Кина. Рыжий домовёнок, у которого ушки от злости косо сложились, в порыве гнева схватил Рика за воротник накрутив ткань на кулак.

— Несмешно, Рик! Какого Лешего ты подкатываешь к Алёне?! — зашипел он, а после и шепнул на ухо: — К тому же ты ведаешь, что Алёна встречается с кем-то...

— И я ведаю больше, чем ты, Рыжик, — лукаво бросил Рик, хитро мерцая светло-кариими очами.

— Вот ты сволочь, Рикшун, — в замешательстве промолвил Кин, поджимая губы.

Непрекращающиеся крик Кина и хохот Рика всё лились, режа и без того отменный домо-вчий слух. Лирик наблюдал за утренним представлением вместе с замешательством и сонливостью и топтался на месте, не зная, как быть: разнимать их или пойти подальше от криков с болью в висках. Решение склонялось ко второму. Но внезапно упавший взор на девушку с котёнком на руках, стоящую за спиной Кина, заставил замереть Лирика. Алёна? Она... За лета так похорошела!

Выглядела Алёна немного измученно, и разговаривала с котёнком сухо, нахмурившись и прикрывая устало очи. По иронии судьбы она тоже заметила слегка смущённого Лирика и, светлея от радости, весело окликнула его:

— Хэй! Привет!

До юноши дошло с опозданием, что обращаются к нему. Когда же их взгляды пересеклись, Лирика с лёгким румянцем на щеках передёрнуло от улыбки Алёны. Домовёнок, взволнованно потоптавшись на месте, застенчиво зашагал к рыжей домовушке, волнистые волосы у которой собирались под кленовым венком. Пончику такой поворот никак не понравился, и он отвёл мордочку от Лирика, задёргав хвостом.

— Э... Привет! — неловко промямлил Лирик, и тихий голос его затерялся среди ругани. — Ну... Как ты?

— А? Как я? Да, нормально. А чего ты к нам в избу не приехал? Почему здесь?

Когда Пончик услышал эти слова, его ушки опустились от досады: оказывается, Лирик должен был к ним приехать! Выпутавшись из нежных рук Алёны, он спрыгнул на землю и уж было скрылся в кустах, но что-то его остановило. Полосатый котёнок вновь вальяжно потёрся у ног Алёны и попросился обратно на руки. Лирик узнал того самого грубого котёнка, отчего ему стало дурно. Домовёнок быстро вернулся к разговору и ответил чуть громче, неловко отводя взгляд и почесав затылок:

— Да... Я... Теперь ваш сосед! Ура!..

— Что? Сосед? — переспросила домовушка, закрывая ухо от криков. — Серьёзно?! А как так получилось? Сам захотел, или изба выбрала?

— А? Ну... Если вообще, то изба — мне даже привязываться не надо! — ещё громче проговорил Лирик. — Но я потом сам захотел!

— А ты родителям поведал? — насторожилась Алёна, и Лирик приблизил ухо. — Родителям! Родителям, говорю, поведал?

— А! Нет, не смог дозвониться!

— Ах, точно! — озарёно протянула Алёна. — Магическая связь оборвалась, её вчера восстанавливали!

— Что? Магическая связь оборвалась? Ах... Нет, я больше не могу так... — проворчал Лирик, закатив очи, и, топнув ногой, заорал на ребят: — Прекратите ругаться, а!

Юноши замолчали в удивлении, уставившись на Лирика. Мимолётная злость резко сменилась на страх, и Лирик, поджав губы, готовился провалиться сквозь землю. Он никогда не кричал на других, а тут — вдруг, и всё. От такой реакции Алёна залилась звонким смехом, а у Кина радостно заблестели очи; лишь Рик сверлил яростным взглядом напуганного Лирика, который с натянутой улыбкой поглядывал краем ока на Рика.

— Ты! — завопил тот, подскочив к забору. — Придушу тебя!

Багровея от злости, Рик чуть не схватил Лирика через забор, но кто-то опередил его и за шиворот потянул уже самого хулигана к соседней избе, которая разделяла дом Кина и избу Лирика. Юноша изо всех сил брыкался и пыхтел, но крепкая хватка не давала ему выскользнуть.

— Я ещё... Поговорю с тобой, — закричал Медов-младший, за что получил хороший подзатыльник. — Ай! Ну, братец!

— Я те поговорю ещё! — рыкнул Рок за воротами, грубо встряхивая младшего брата. — Мало того разругались, как бабы на перевозе, так ещё и драться лезешь! Спать не даёшь! Даже Эльфик наорал!

Именно на этой ноте Рок затащил в дом надутого мальчика, который толком не шёл, а скорее катился по земле. Вдобавок, к раздражению Рика, старший брат не позабыл хорошо запереть дверь на щеколду.

— Ну, и? Сейчас-то что поцапались? Опять девушку делите? — язвительно спросил Рок, проходя на кухню. — Идём молоко пить, мелочь домовячья.

Надутый Рик скрестил руки на груди, обиженно отвернувшись от брата, и потопал ногами: говорить про причину ругани он не собирался.

— Значит, из-за мелочи разругались!

Когда же братья-Медовы скрылись в избе, Кин с Алёной подскочили к Лирику да начали тараторить, перегоняя друг друга.

— Лирик, ну, ты молодец! Взял и крикнул на них!

— Да так громко! Чего испужался-то? Ты молодец!

— Да-да, Кин! Молодец он! Я бы так вас и не разняла!

— Ну, Лирик, что бледный-то? Право... молодец!..

Пыл Кина унялся, он обеспокоенно окинул взглядом на совсем бледного Лирика. Бедолага до чего ж испужался, что на все возгласы Толковых нервно сглотнул и улыбнулся через силу.

— Я... Я... Да я просто... Подумаешь, крикнул. Все это умеют.

— Ага-ага, Лир, — серьёзно подметил Кин. — Только вот за все время нашей дружбы я не видел, чтобы ты так кричал на других, особенно на Рика. Растешь!

Пончик, страдавший из-за громкой хвальбы Толковых, вытаращил глаза-бусинки в удивлении, совсем не веря словам. Совсем рассердившись, он дёрнул хвостом и, опять спрыгнув на щебенистую землю, окончательно скрылся в заросшей траве.

— Может, зайдёте? А то через забор общаться как-то не очень... — неловко прошептал Лирик, и вдруг он поднял сверкающий взгляд. — Слушай, Кин, ты извини, что вчера не предупредил...

Но Кин лишь махнул рукой.

— Ой, да ладно. Я видел тебя, когда на крыше сидел, токмо сгонять к тебе не смог. — Кин измученно выдохнул, отведя взор в сторону. — Не получится сейчас зайти — сегодня приезжают хозяйкина дочка. Хозяйке нужна будет помощь.

— А, да... Точно... — вяло заметила Алёна. — Прости, Лирик. Мы потом зайдём, обещаем!

— Эм, пока... — только и смог грустно выдать Лирик.

Пончик ехидно глянул на домовёнка из травы. У того от грусти опустились острые ушки, и Лирик, положив подбородок и руки между досками, уставился куда-то в пустоту. От этой картины в душу Пончика закралась совесть и стыд за прошлые слова, иначе сделанное сделано, сказанное сказано — прошлое не воротить.

¹Епанча — широкий, тяжёлый, безрукавный круглый плащ с капюшоном у мужчин, а у женщин — короткая, безрукавная шубейка.

²Одначе — (старослав.) однако

³Знамо — (старослав.) понятно

⁴Лета (авт.) — год

⁵Кой — какой

⁶Балам — (тат.) дитя

Глава 2 «Подарок судьбы»

Три ретивых коня мчались на всех парах, увлекая за собой экипаж. Секунда — и пыль взлетала от бега, оповещая о их проезде. Повозка, нагруженная вещами, скакала по кочкам, а между сумками и сундуками сидела уставшая женщина, будущая мама. Жара её очень выматывала — сухой воздух не давал вдохнуть с наслаждением, а солнечные лучи нещадно пекли, словно воины нападали на планету Фаэтон.

— Потерпи, Резеда, — ласково промолвил кучер этой повозки, её муж. — Немного осталось.

Резеда Бареевна закрыла очи, положив голову на сумку, и еле-еле проговорила:

— Да... Да... Немного ещё...

Наконец повозка начала спускаться с горы по дороге, которая стала ровнее, нежели перед спуском. По этому пути много кто заезжал в распластавшуюся на несколько вёрст деревеньку у подножия старых Ральских гор, тянувшихся от севера Ялкынии к югу. Прямо у съезда с горы нежной рябью поблескивал пруд; из него выпрыгивали мальки, тут же падая в воду. Ильдар Аксанович притормозил коней: так новоиспечённая семья доехала до дома Каримы Фатхивны, находившегося недалеко от въезда, — спокойно, без приключений.

Прокатившись по щебенистой дороге, экипаж остановился под фырканье коней. В ту же минуту Ильдар Аксанович, спрыгнув с повозки, помог любимой жене спуститься и отправил её домой, а сам стал разгружать повозку, пока на стол накрывали обед.

— На этой неделе в главной библиотеке кикиморы погром учинили, — рассказывал Ильдар Аксанович, заходя с сумками на плечах. — Благо, мы успели их унять.

Ильдар Аксанович, как и его жена, — Воители — люди, наделенные Священным Огнём. Все преступные духи бежали от этой силы куда подальше, ибо испепеляла она их, не оставляя даже праха! Ещё во времена, когда границы между Явью и Приявью размылись, Воители обрели особую известность на всем Великом континенте. И ныне занятие не утихает, а только увеличивается: наделённые Огнём для других — защитники, оберегающие хрупкую людскую безопасность, стражники равновесия. Одначе миролюбивые духи быстро находят с такими людьми общий язык. Вот и Кин очень ждал эту Воительскую семью, особенно Ильдара Аксановича. Очень много разных увлекательных историй как из жизни, так и из своей фантазии лились из уст главы семьи, удовлетворяя любопытство Кина. Каждый раз он внимал новости из-за границ деревни, как, например, сейчас, поливая цветы из кувшина.

— Они ж ещё, хитрюги, начали сваливать всё на библиотечного духа. Нет! Ну, что за сволочи!

— Эй, Всевышний... — Резеда Бареевна поставила чайник на самовар. — Когда же это уже закончится? Было ведь хорошо, когда границы между мирами стояли...

— Страшно, — закивала старушка, расставляя сидя кружки. — Очень страшно сейчас бывать¹.

— Да ладно, сударыни! — добродушно махнул рукой Ильдар Аксанович, садясь за стол. — Прорвёмся как-нибудь!

Кин слушал, и ушки остренькие опускались от тоски и закипающего зла: не очень-то ему хотелось, чтобы границы восстанавливались. Любил он нынешний уклад жизни — о другом и мечтать нельзя! Желание затопать, закричать только усиливалось и овладевало домовёнком, но тот держался. Держался, потому что ведал, как тяжело людям с духами приходится. Уж сколько бед произошло, когда смертные только-только узрели духов! Какая паника кипела! И никто ж не ведал, из-за чего произошёл разрыв межмировых границ и кто виноват в этом.

Рыжий домовёнок бросал взгляды, чтобы отвлечь внимание, и тут чуть не задохнулся от подступающей радости. Лирик! Нужно рассказать про него!

— А у новой избы домовая появился!

Воцарилось молчание, прерывающееся потрескиванием дров в печи и изредким скрипом стульев. Вся семья Татариновых пристально уставилась на домовёнка, и Резеда Бареевна озадаченно нахмурилась:

— Домовой новый?

— Ага! Моего возраста примерно. Лирик! Помните? Он каждый сухойей приезжал ко мне!

Кин с наивной, веселой улыбкой оглядел всех. Будущие родители с Каримой Фатхиевной засветились от благой вести. Глава семьи подскочил к Кину да обнял крепко за плечи, громко воскликнув так, что уши заложило:

— Это надо отпраздновать! Карима, доставай мысук!

Хозяйка вынула из фруадиделя, поддерживающего мороз, кислое питье, плескавшееся в крынке. Вскоре из носика в стаканы полились белые с жиринками струйки. Тут же в дом вспорхнула Алёна с большим букетом роз, с лёгким трепетом втягивая сладкий аромат цветов. Карима Фатхиевна удивлённо отложила чайник, из носика которого тянулся к потолку пар.

— О, какой мблodeц это искусство природы подарил? — с хитрым прищуром Ильдар Аксанович усмехнулся. — Когда свадьба?

— Да-да, — поддержала мужа Резеда Бареевна, нескрyто любуясь розами. — Красивый букет!

Кин обеспокоенно взглянул на сестрёнку, надеясь, что подарил ей букет не Рик; вопрошать ничего не стал, а только поставил опустевший кувшин, предлагая поскорее пообедать.

— Да, пожалуй, покушать надо, — устало выдала Резеда Бареевна. — А после обеда сходим в новую избу, вещи отнесем.

— Всё! — скомандовала Карима Фатхиевна. — Садитесь за стол!

После обеда люди Лирика собрались относить вещи в новую избу, а Карима Фатхиевна прилегла подремать. Кин быстро убирал со стола, порой гремя посудой и шипя, как при ожоге. Вдруг пришло осознание, что Лирик может очень занят, ведь дел у деревенских домовых отнюдь не меньше, чем у городских. Идти в гости не предупредив и отрывать от дел было бы не очень вежливо. Шёпотом, дабы не разбудить хозяйку, Кин позвал старшую дочку старушки:

— Резеда Бареевна, а вы не могли бы поведать новому домовому, что если он свободен, то может прийти ко мне через минут... Десять?

— Хорошо, сообщу.

— Спасибо!

Так и ушли люди, нагруженные сумками, в новую избу, с трепетом в сердце ожидая скорую встречу с первым Хранителем Очага. Ходили они туда-сюда за вещами ещё несколько раз, оставляя их на крыльце. В это время Кин быстро помыл посуду да и пол успел подмести; а после, забравшись с книгой на печь, блаженно улыбнулся и погрузился в мир приключений в ожидании Лирика.

Лирик сидел на гостевом диване, опершись на подлокотник, и всеми силами старался не заснуть под длительные гудки зерцалова. Домовёнок, несмотря на то, что легко вскочил рано утром, сейчас чувствовал себя дурно, словно в утренний чай выжали все соки лимона. Наконец, из зеркала раздалась шорохи, а после и обеспокоенный голос матушки:

— Сынок! Ты куда пропал? Мы с батюшкой весь вечер пытались дозвониться!

Дрёму как рукой сняло, Лирик, востепенувшись, схватился за рукоятку зеркала и приподнёс к уху.

— Алло, матушка! — вяло, с заплетающимся языком молвил домовёнок. — Извини, у нас магические каналы разорвались... Вчера восстанавливали.

— А-а! Ладно, ничего. Восстановили же!

— Да, — кивнул Лирик, прогоняя сон и попутно засыпая.

— Как Кин?

— Да, вроде... Нормально...

— Алёна ещё не ушла из дома?

— Живёт, вроде, с Кином...

Лирик, зевнув, тут же вспомнил, точно в память неожиданно стукнули, как Толковы вчера грустно уходили готовиться к приезду людей, поэтому тут же уверенно исправился:

— Да, живёт ещё! Так похорошела за год!

— О-о-о, ну надо же! Влюбился, да? — весело спросила бичура, намекая на правду, но получила только неуверенные бурчания Лирика. — А как родители Кина? Живы, здоровы?

— Э... Матушка... — замялся Лирик, чувствуя, как живот скручивается от волнения. — Я должен кое-что сказать... Я...

— Ты-ы-ы...

— Я стал домовым новой избы! — выпалил домовёнок немного погодя. — Она... Неподальёку от Кина находится.

— Новой избы? — удивилась бичура. — Той самой?!

— Ну-у, д-да...

Из зерцалова послышались радостные возгласы матушки и мимолетные удивления батюшки. Лирик от радости прикусил губу, и от счастья дыхание стало распирает грудь: не расстроились! Когда же радость родителей поутихла, батюшка усмехнулся таким необычным переменам:

— Аки ты так умудрился, сын, а?

— Да она меня затащила буквально! — Лирик неловко улыбнулся. — Я даже моргнуть оком не успел!

— Сама затащить не может! — матушка хитро подловила сына. — А ну-ка, Иллирик, признавайтесь! Как всё было?

Лирика передёрнуло, и он, не готовый, но осознавший о существовании вопроса, резко замолчал, укладывая всполошившиеся мечты и радости на места. И наконец, под хоровое одобрение родителей он тихо промолвил, не находя нужных слов:

— Честно... Я... Начал мечтать... Ну, как мечтать? Ну, да, мечтать! Что стану домовым этой избы и...

— В ту же секунду изба засосала тебя, — довольно догадались родители.

— Да-а...

На крыльце вновь раздался многочисленный топот с шуршанием сумок. Лирик надеялся, что люди опять уйдут за вещами, и он успеет договорить с родителями, но, увы, это был последний заход. Раздался щелчок: из коридора зашуршали сумки, гулко топнули сундуки и раздалась громкие людские разговоры. Лирик недовольно поджал губы, прикрывая свободной рукой одно из сложивших пополам ушек: не очень-то домовёнку и понравился такой шумный приход людей.

— Кто там? — еле послышалось из зерцалова. — Люди пришли?

— Да, матушка, — нервно выдохнул домовёнок. — Люди пришли.

— Ой, а расскажи про них! Расскажи!

— Я их впервые вижу... Точнее слышу. Давай потом.

Лирик вскочил с дивана, дабы выйти на улицу, и вдруг столкнулся с Резедой Бареевой, заглянувшей в зал. Новая хозяйка тут же подала тихий знак мужу, который с удивлением уста-

вился на Лирика и тихо поставил две висящие сумки. Лирик, не желая мешать новосёлам, перепрыгивая между сумками на свободные места, выскочил на улицу.

Погода наполнялась чудесами: на небе изредка проплывали лодочки-облака, а солнышко ярко светило; моментами освежающие порывы ветра спасали от ярой жары. Не ведая, о чём продолжить разговор, домовёнок молчал в зеркалово, оглядывая новый двор: цветник, валявшееся с утра ведро и кто-то, мелькающий меж щелей забора, ехидно хихикая. И это хихиканье прервалось кратким мяуканьем и злостным шипением:

— Ну и? Расскажешь ему? Расскажешь?!

— Что-то ты молчишь... — матушка вновь заговорила. — Какие ещё новости поведаешь?

— Матушка, я тебе потом перезвоню, — серьёзно промолвил Лирик. — Тут что-то случилось...

— Без вопросов!

Когда зеркалово погасло, Лирик чуть увереннее шагнул к забору, за которым раздавались жалобные мяуканья, похожие на писк. Домовёнок побаивался подбираться к источнику звука, но любопытство дало хороший пинок: Лирик вдруг окликнул Рика. Фигура за забором тут же выпрямилась, и показалась голова Рика. Тот недовольно окинул взглядом Лирика и, чуть наклонив голову, с любопытством наблюдал за соседским парнишкой.

— Чё те надо?

— Что... там делаешь?..

— Вали отсюда, Эльфик! Не твоё дело!

— Не Эльфик, — осторожно поправил Лирик, поджимая от обиды губы. — А...

— Да знаю! Не лезь! Вали подбру-поздорову, пока морду не набил!

На удивление самому себе, Лирик, несмотря на оцепеняющий страх, не шелохнулся назад:

— Что там?.. Кому ты угрожал?

Рик сдерживал порыв гнева, чувствуя, как уши задрожали, готовясь сложиться в диагональ, а очи загорались золотисто-янтарным. Он не выдержал и зарычал, ухватившись за дощечки забора:

— Я, кажется, по-ялкынски тебе сказал валить отсюда! А ну, пошёл, а!

— Я всё брату твоему расскажу, — дрожащим гласом промямлил Лирик. — Не смотри на меня так!..

— Ну и, про что ты расскажешь, а?! А?!

Лирик потупил взгляд и неопределённо пожал плечами.

— Про то, что ты кому-то угрожаешь в кустах...

Взгляды соперников встретились: в Лирике мимолётно мелькала уверенность, прячась за страхом и волнением. Никогда Рик не видел её в Лирике: для него Уэлэнов, или же Эльфик, был смазливый сопляком, который за себя и постоять не мог. Вдруг в этой плаксе появляется толика уверенности — немыслимо!

— Не посмеешь, ябеда, — процедил Рик, крепко сжав дрожащие ладони в кулак.

— Посмею... — только и успел произнести Лирик.

Вдруг за спиной появились новые хозяева, и Рик окончательно смотался, позабыв про свою жертву. Люди улыбнулись ласковой доброжелательностью, отчего Лирик малость смутился.

— Привет, наш новый Хранитель очага, — пропела Резеда Бареевна. — Меня Резедой звать.

— Ильдар Аксанович — надзиратель главного Воительско-полицейского отдела по контролю граждан-духов в городе Утск.

Он по-мужицки протянул руку, на что Лирик ответил слабым, неуверенным рукопожатием.

— Приятно! Лирик Уэлэнов... — домовёнок чуть застенчиво улыбнулся, почесав затылок. — Ваш новый домовой.

Люди не задержались на улице — солнце всё сильнее пекло. Лирик со стораемым интересом последовал за ними: интересно, какие они на деле? Сдружится ли Лирик с ними аль нет? Домовёнок молча приблизился к крыльцу и немного понаблюдал, как люди заносили вещи внутрь, и встрепенулся. Первое, что попало ему под руку, оказался огромный чёрный чемодан: схватившись за жёсткую ручку, Лирик поволок по лужайке. Ушки его не просто покраснели, но и даже горели от мелкого стыда за слабость. Сам он шёл спиной вперёд, не глядя назад, и в итоге споткнулся об ступень, плюхнулся, а чемодан перевернулся на другой бок.

В это время вышел Ильдар Аксанович и ловко взвалил на своё плечо тяжёлый груз и понёс внутрь.

— Давай тяжёлые вещи я сам, — он ободряюще улыбнулся, постучал по жёсткой поверхности. — Маленький ещё такие тяжести таскать.

Лирик посидел, посидел да всё не сводил взгляда с веранды — глядел внимательно, как Ильдар Аксанович аккуратно ставит ящик в угол у самого входа.

Ильдара Аксановича Лирик видел ещё прошлым суховеем, когда тот приезжал со своими родителями. Тогда с Резедой Бареевной они ещё не сыграли свадьбу, но в деревню надзиратель навещал частенько. Однако видел его домовёнок редко, ибо Лирик с Кином проводили чуть ли не все дни на улице за пределами подворья. Родители Кина так и говаривали: мол, гуляйте, пока есть возможность — потом по домам будете сидеть да поглядывать за ними. Потому про новых людей Лирик ведал мало. С одной стороны его съедало любопытство, с другой — он боялся и не ведал, чего именно: то ли начать разговор, то ли просто волновался.

Наконец Лирику надоело наблюдать, как новый хозяин таскает, и подхватил пакеты. Очень много пакетов. Тут вновь вышел Ильдар Аксанович за новой партией. Увидав целую тучу сумок и затерявшегося среди них Лирика, мужчина быстро перехватил половину, покачав головой.

— Что ж так много берёшь? Тяжело небось-то.

Лирик вздохнул, однако послушался. Нет, он, конечно, сам молодец, что берёт так много вещей, но зачем? Кому он доказывает свою силу? Так глубоко проникнув в свои мысли, он незаметно для себя быстро занёс вещи. Даже если и с помощью Ильдара Аксановича.

Резеда Бареевна тем временем с восторгом оглядывала дом, будто это был её первый визит тут.

— Как тут чисто! Ах! Как убрано!

Она водила руку по столу, устелянному белоснежной скатертью, по столешнице, а потом перешла в зал и уже радовалась чистоте там.

Лирик, забежавший домой, вновь потянулся к зеркалову, дабы перекинуться хоть одной весточкой между Кином, но его внимание отвлеклось на Резеду Бареевну. Он просунул голову в дверной проём парадной, и их взгляды встретились. Домовёнок слегка зарделся и смущённо отвёл взор. А новая хозяйка так мимолётно и незаметно оказалась рядом, что Лирик невольно вздрогнул от неожиданности. И улыбнулся.

Не улыбнуться было невозможно — ведь улыбка у Резеды Бареевны такая светлая, мягкая, жизнерадостная, да и сама она — женщина приятной внешности — карие большие очи искрились радостью, и каре до плеч нежно обрамляло круглые черты лица. Так что если она улыбалась, то отвечали в ответ улыбкой все, даже не желая этого.

— Спасибо тебе за убраный дом, родной, — она приобняла его и самую малость потрепала по головке, как делала его родная матушка. — Тебя, кстати, Кин гулять зовёт. Просил передать, чтобы, как токмо освободишься, к нему шёл.

Лирик бросил быстрый взгляд на новую хозяйку и кивнул. Он выпутался из объятий и встал напротив Резеды Бареевны, чуть не наткнувшись на выкованные прутья, которые окружали камин. Свет проливался на них прямо, порой щекотая глаза.

— Больше же ничем помочь не надо? — он с мелькающей надеждой глянул на Резеду Бареевну, и та звонко рассмеялась:

— Иди, иди. Он ждёт тебя.

Ликующий Лирик подпрыгнул, захлопал в ладоши и, совсем позабыв взять зеркало, вылетел за ворота. Впрочем здесь оно и вовсе не нужно.

Стоило Лирику выбежать за калитку, как из кустов выпрыгнул Пончик, в этот раз не бросаясь под ноги, а бегая вокруг Лирика. Внимание домовёнка, конечно, не заострилось на полосатом котёнке. Однако интерес Пончика к юноше бросался в очи; Лирик резко остановился и окинул на Пончика подозрительный взгляд. Котёнок быстро смекнул, что тот вспомнил прошлую стычку, оттого пушистый замер в неподвижной статуи.

— Я... Это, мр... Хотел поблагодарить.

Пончик начал небрежно вылизывать мордочку, так же нервно подрагивая кончиком хвоста. Лирик от удивления вскинул вверх брови, явно не ожидая услышать такие слова, и ни одно воспоминание не помогало ему угадать причину такой благодарности. В замешательстве он вопросительно встретился с взглядом чёрных бусинок Пончика.

— А за что... благодарить меня?

— Мр-р, спас меня.

— От чего?

— Вернее, от кого? — вальяжно поправил он, мысленно возмущаясь недогадливостью Лирика. — Рикшун ведь меня в кустах мучал.

— Зачем? Не припомню, чтобы он так с животными обращался...

— Ну-у, мр, я просто ведаю, что не должен. Вот Рик узнал это, испугался, что выдам тайну Кину своим длинным языком. Вот итог.

Лирик изумился и продолжил путь к Кину. Котёнок младой — молоко ещё не высохло на устах, а в какие истории попадает!

— И, мр, если я благодарю тебя, это не значит, что мы друзья.

Пончик гордо поднял мордашку, одарив домовёнка пренебрежением. Тот лишь разочарованно отвёл взгляд, эту кислую мину заметил котёнок, отчего в душе ликовал.

— А, вообще, против Рикшуна опасно идти. С ним ведь даже взрослые не спорят... Ты бы знал, как только не наказывал Рокшун брата! И без сладкого оставит! И на неделю из дома не выпускает! И дом драить заставит! А Рикун хоть бы хны — да что-нибудь да натворит! А впрочем — тебе-то что? Тебя от проделок Рика это никак не спасёт, хех!

— Ой, да подумаешь! — отмахнулся Лирик, ускоряя шаг, лишь бы отвязался котёнок. — Мы с Кином и Риком учились в одном классе. Я... почти к нему привык.

— Ну, как знаешь, мр. Я предупреждал.

Котёнок убежал дальше, и Лирик мрачно его провожал взглядом. Что же скрывает Рик? И почему он так боится раскрытия тайны? А котёнок-то что не расскажет Кину? Интересно... Впрочем, это не дело Лирика. Хотя... А если Кин пострадает?.. В надеждах на благие события Лирик очутился около Кининого дома.

Кин ранее заметил Лирика, как только тот скрылся за повозкой, стоявшей поодаль от окна. Он, не сдерживая радостный порыв, молниеносно вылетел на улицу, нетерпеливо ожидая Лирика. Когда за калиткой показалась его голова, рыжий домовёнок взлетел на калитку. На Лирика, дрогнувшего от резкого грохота, посыпались вопросы:

— Погуляем? Или просто на крыше мысук попьём? Если погулять — можно на пруд! Или на луг, в гости к луговику!

— Погуляем. И-и-и... Давай на пруд! Луговик, думаю, ещё помнит, как я в его нору земли насыпал...

Добродушно рассмеявшийся Кин обнял друга за плечо, и домовята, весело обсуждая школьную практику в конце лета, двинулись к пруду.

Лирик и Кин шли тогда по берегу пруда, что находился неподалёку от домов ребят, но плавать в нём запрещалось — и всё из-за мусора и водорослей, покрывающие почти всё дно. Да и водился там на самом деле не очень доброжелательный водяной. Шли же друзья туда не просто погулять, а из-за одной крепко сложившейся традиции — в начале каждого суховея они забирались на гору и на открытой полянке наблюдали за облаками часа два-три. Потом только занимались своими делами. Ребяческими.

Кин задорно шагал впереди, весело подняв нос к солнцу, а Лирик всё время спотыкался об торчащие корни ели — внезапно стало клонить в сон. Домовёнок потёр заслезившиеся очи и зевнул.

— У нас недавно санаторий переименовали, кстати говоря, — похвастался Кин, повернувшись к Лирику и шагая уже спиной вперёд. — Теперь он называется санаторий имени Охова.

Неподалеку незвучным эхом отдавались лёгкий грохот колёс и топот лошадиных копыт — кто-то не спеша спускался с горы в деревню.

— М-м-м... Здорово!.. — Лирик вновь зевнул.

Вдруг нога вновь зацепилась за очередной корень и вроде бы как обычно, иначе Лирик наступил прямо на острые камни, проткнувшие лапоть и вонзившиеся острой болью в ступню. Домовёнок вскрикнул и запрыгал на одной ноге, хватаясь за другую с шипением. Берег у пруда, где шли ребята, к несчастью, был крутым и скользким от травы — Лирик оступился и с диким криком плюхнулся в воду, и как-то так совпало, что очутился он далеко от берега, совсем не умеючи плавать.

— По... Помогите! — закричал во всю глотку он, бултыхаясь и то и дело ныряя под воду. — Кин!

Острый слух Кина быстро уловил возгласы тонущего друга и поспешил на помощь — взметнувшийся по воздуху, он навис над Лириком, окутал его вокруг груди и аккуратно потянул наверх. Успокоившийся Лирик жадно глотал воздух и кашлял — по его телу то и дело пробегала мелкая дрожь, а то даже передёргивало.

— Никогда. Никогда не любил водоёмы, — шептал он, ступая на тёплый золотистый песок. — Чтоб ещё раз сюда! Не-е-ет.

Лирик вытер лицо рукавом и смахнул несколько капель с влажной ладони. Ещё немного — и быть беде. Кин укоризненно покачал головой, выжимая воду из волос. Он, конечно, привык к такой черте друга, как попадать в неприятности, но это уже казалось слишком. Наверное.

— Ну, Лир, у тебя это аки так получилось, а?

Лирик неопределённо пожал плечами и повалился под сосну — это приключение его совсем вымотало, а потом так разморило, что он совсем скатился на мягкую, сочно-зелёную траву и почти погрузился в дрему. Вдруг сознание, почти утонувшее в тумане, просияло, и Лирик, приподнявшись на локти, усмехнулся:

— Кин, а помнишь, как ты Рику на физре случайно мячом зарядил в нос? Ох, как он там ругался...

— Ага! — с толикой серьёзности заметил Кин, смеясь. — Конечно, он мне потом сам чуть нос не разбил...

— Да-м. Хорошо, свинтили тогда, иначе вдвоем получили бы!

Лирик, сам не зная зачем, поднял правую руку, болтая ею в воздухе. Рядом с ним вдруг возникла из-под земли лилия, тычинки которой сияли алой свечой, а к кончикам лепестков

свет потухал, оставляя черноту. Лирик это удивительное искусство природы не заметил и потому уронил руку прямо на цветок. Яркая вспышка света, гулкий хлопок и розоватый столб пыли — этот взрыв виднелся почти на весь Сынмаган. Но куда гораздо дальше унёсся сладковатый, но в то же время горелый запах сильным порывом ветра.

Домовят здорово отбросило в стороны, и те лежали в сажени от цветка. Лирик со звоном в ушах разлепил очи, плохо понимая, что случилось, — всё крутилось каруселью. Лишь холодная вода привела его в чувство. Над домовёнком обеспокоенно склонился пухлый трауфиниец, бледноватость которого постепенно сходила на нет под солнечными лучами. Юноша тормозил домовёнка за плечи, аккуратно бил по лицу и уже вновь открыл бутылку с водой. Наконец домовёнок, полностью осознав произошедшее, ужаснулся:

— Кин!

В сажени от Лирика лежал и Кин, постепенно приходивший в себя. Ему было намного хуже, нежели Лирику: тяжело прокашляв, он даже с помощью худощавого бледно-русого трауфинийца, с трудом сел. Мелкий хворост и листья переплелись в его рыжих волосах, отчего казалось, что это какой-нибудь лесной дух. Сил убирать весь мусор пока не находилось.

— Что это было? — прокряхтел он, осоловело осматривая маленьчко потрепанного Лирика.

И всё бы ничего — все разошлись бы по своим делам, одначе своим восхищением пухляш привлёк всеобщее внимание на волшебную лилию, которая превратилась в форменный пепел и разлетелась одним дуновением ветра.

— Цветок Дара... — промолвил он мечтательно. — Удивительно! Какой маленький цветочек смог создать взрыв!

— Лирик! Ладонь покажи! Нет, нет! Правую! Ты ведь цветок коснулся правой рукой!

Лирик под ошарашенные возгласы Кина развернул ладонь без всяких рисунков — лишь кусочки сухой травы и старая хвоя налипли. Худощавый трауфиниец нахмурился, заметив под рукавом рубахи домовёнка алое поблёскивание.

— А запястье?

Лирик без особого желания оттянул рукав и ужаснулся: на запястье сияла ярко-красным огоньком руна. Вокруг неё горели цветочки на расползающихся стебельках с листочками, точно макьюны. Пухляш загорелся от ещё большего восторга:

— Точно цветок Дара!

Лирик, боявшийся этого момента больше всего на свете, обреченно уставился на руну. Ему и слова не нужны, один испуганный взгляд говорил: «Только не это!»

— Кажется, это руна прошлого, — задумался Кин, — но надо проверить. Идём в библиотеку!

Лирик, спрятавший метку, стараясь не видеть её, что-то вяло промямлил, двинувшись за Кином. Очи худощавого трауфинийца загорелись нездоровым любопытством. Он, схватив под локоть пухляша, потащил к стоявшему возле обочины экипажу, ехидно улыбаясь.

— Мне тоже следует заехать в библиотеку, — загадочно промолвил он. — Брен, отвезёшь сам вещи.

— Арно, зачем тебе в библиотеку?

— Скажу — потом. Сейчас это не должно колыхать тебя. Ясно?

Брен только тяжело вздохнул. В его душу закралась тревога: не удумал ли Арно чего-нибудь дурного? Когда трауфинийцы уселись в экипаж, Арнольдо scomандовал кучеру:

— В библиотеку.

Кучер хлестнул коней, и качнувшийся экипаж тронулся, перегоняя домовят, державших путь к деревенской библиотеке. Кин уверенно поднял голову, улыбнулся солнцу, а вот Лирик плёлся — всё задрал рукав да рассматривал руну. Вера не хотела покорять Лирика: ему казалось всё это сном, просто страшным сном, который когда-нибудь должен закончиться. Вот он

проснется в родной кроватке, начнёт собираться к Кину, а матушка с бабушкой ему помогут. Всё закончится! Всё будет хорошо! Всё. Будет. Хорошо. Лирик нервно подхихикивал, привлекая внимание Кина.

— Ты чего? Не волнуйся, всё путём будет!

— Кин, а если это просто кошмар? Нам просто снится одно и то же, да ведь?

Лирик поднял почти погасший взгляд: небольшая надежда тлела, но и та была слабой и в любой момент могла исчезнуть. Это понимал и Кин, потому ободряюще улыбнулся со словами: «Переживём!» — малость успокаивая этим Лирика.

Библиотека, в которую шли ребята, представляла собой трёхэтажный терем с удивительно сложной гравировкой цветов и книг между окнами. Под черепичной крышей располагались солнечные часы, на которых тень упиралась в тройку. Впрочем, рядом стояла не менее красивая деревенская школа такого же размера что и библиотека, а чуть поодаль вытянулись в ряд небольшие продуктовые лавки.

Кладовая знаний встретила ребят огромными стеллажами, наполненными книгами вплоть до потолка. Неподалёку библиотекарь принимал у посетителя книгу. Рядом с ним бегала хорошенькая девушка: облегающий по ровной талии сиреневый сарафан подчёркивал большие лиловые очи, а из аккуратно заплетённых кос выглядывали остренькие ушки — дух библиотеки. Она поначалу не заметила домовят, поэтому Кин мягко произнёс:

— Алатырочка, нам бы книгу рун. Можешь принести?

Алтыра лукаво улыбнулась и скрылась за полками.

— Минутку, — звонко донеслось оттуда.

Книга и впрямь оказалась в руках домовят через минуту. Кожаный переплёт, окаймлённый дорогим металлом, золотое название «Руны, их значение и применение» тянули таинственностью, словно сама книга искала себе читателя. Друзья уселись в самом дальнем углу, где их вряд ли кто-нибудь услышал. Одначе свидетелей они не избежали: неподалёку, словно уткнувшись в книгу, Арно краем уха пытался подслушать домовят, но, увы, человеческий слух не так хорош по сравнению с домовячьим. Да и ребята особо не говорили — всё делали молча. От этого Арно начал нервно ёрзать. Если он не узнает, правда ли мальчишка повелитель времени, то провались всё пропадом! Не видать Арнольду ни денег, и тогда семья Брена... Он должен узнать!

Арно тихо поднялся, дабы незаметно примоститься около домовят, но тут вроде засыпающий от скуки Лирик резко очнулся, а вот Кин уронил голову с тихим стоном.

— Меняемся?

— Меняемся, Лир... Эта книга нескончаема!

Книга и впрямь была не маленькой — издали её корешок казался небольшим сундучком в кладовую знаний.

— Погоди, а тут разве нет оглавления?

Лирик подвинул к себе книгу, открыв её с конца. Он пролистал несколько десятков страниц и в замешательстве протянул:

— Там тоже много...

— О, смотри! — Кин тыкнул на самый низ страницы. — Прямо в самом конце стоит!

— Да? О!

Кин, скрутив губы, кивнул. Лирик пролистал на нужные страницы и подвинул книгу к Кину. В рамке последней страницы красовалась руна, похожая либо на «М» с крючками, либо на «R1», слитую в одно целое. Под руной пером расписали красивым, аккуратным почерком все сведения о ней.

— Смотри, верно я промолвил, — Кин ткнул пальцем в рисунок. — Эта руна прошлого, одна из самых сильных рун во всей истории Фазтона. Насколько помню, есть и вторая похожая руна, которая позволяет путешествовать в будущем. А эта...

— Изменять прошлое, — догадался Лирик.

— Да, именно этим она и опасна, — Кин кивнул. — С учётом, как много личностей желают изменить прошлое.

— Включая Армана Третьего...

С каждой догадкой Лирик бледнел. Всем была известна жестокость и лицемерие короля Траунифии: ему достаточно щёлкнуть пальцами, чтобы получить желаемое. Если он узнает про Лирика, то спокойная жизнь домовёнка рухнет в бездну.

— Нельзя, чтобы кто-то узнал про Дар, — зашипел Лирик.

— А если те два трауфинийца... — ещё тише произнёс не менее напуганный Кин. — Сдадут тебя кралю²?..

Арно, вникающий в каждое слово разговора, всё больше расплывался в злодейской улыбке. Неуверенность Лирика станет козырём Арно: домовёнок быстро угодит в сети трауфинийца — если не обманом, так гипнозом точно.

На деревню давно опустилась ночь, а луна её ярко освещала своим фонарём. Лучи окрашивали серебром каждый кустик, дом, горы — словом, всё, что было не скрыто. В траве хором стрекотали кузнечики, а меж деревьев мерцали светлячки.

Все дремали, кроме двух гарипов³. Они укрылись плащами, которые не давали разглядеть их лица, и тихо пробирались вдоль забора. Неожиданно раздался хруст. Пухлый незнакомец осторожно убрал ногу с хвороста, а ведущий, озлобленно окинув взор на попутчика, зашипел:

— Тише!

— Арно, я не понимаю, зачем тебе это? Ты весь день так странно ведешь...

— Помолчи! — огрызнулся Арно. — Идем.

Он тихонечко прошмыгнул за скрипучую калитку и прижался в стене дома. В соседнем от кухни окне, зашторенном бардовыми шторами, свет потух. Арно подкрался к кухонному окну и заглянул туда, но никого не увидел. Печь, на которой спал Лирик, спряталась между гарнитуром, и её труба скрывала дремлющего Лирика. Арно не увидал домовёнка и уже строил догадки, где он мог находиться.

Трауфиниец прыгнул на мягкую траву и прошмыгнул на тесное крылечко. Следом за ним на цыпочках, с испугом озираясь, подбежал Брен. Арно машинально протянул ладонь через надплечье:

— Шпильку.

— Но... Токмо не сломай, пожалуйста. Это подарок для мамы.

Арно кивнул и бережно взял женскую шпильку для волос, украшенную цветком. Острый конец легко вошёл в щёлочку и тихо стукнулся с дощечкой. Арно уловил нервный вдох и сам сцепил зубы. Осторожно отодвинув наискосок шпильку и удачно не зацепил крючок.

Но попробовал второй раз.

Третий...

Четвёртый...

И, наконец, крючок сорвался с петли и раскачался, открывая проход незванным гостям. Арно молча указал Брену ждать его снаружи и ни ногой никуда, а сам прошмыгнул в тёмные сени. В сам дом дверь была не заперта — казалось бы, сам надзиратель из полиции живёт там! Правда, назло всем радостям Арно, стоило ему ступить за порог прихожей, половица заскрипела. Он застыл в немой статуе. И не дышал.

Немая тишина...

Словно в доме никого...

Время вмиг замерло...

Из комнаты хозяев раздался шорох.

Раздался и стих.

Арно, уже думающий свалить подобру-поздорову, выдохнул и слился тенью со стеной между входом на кухню и шкафом.

Всё вновь уснуло в непрерываемом молчании. Благодаря маленькой щелочки открытых дверей Арно разглядел, как в комнате хозяев вновь отключили свет. Укутавшись в мантию, дабы его лицо в случае чего не заметили, и мельком заглянул на кухню. Лирик мирно спал на печке, и рука, на которой под рукавом тускло светилась алым руна, свисала.

Лиловые очи лихорадочно блеснули, и он, как кот, подкрался. Мантия слегка шелестела. Лирик нахмурился и перевернулся со спины на бок, подобрав руку под себя. Арно достал льняной мешочек из-за пазухи и зажёб горку белого порошка.

— Извольте-с, милый сударь, изъясниться, что вы делаете у меня дома?

Гром. Эти слова прогрохотали приговор для Арно. Ильдар Аксанович, скрестив руки на груди, грозно сверкал взглядом. Трауфиниец наблюдал за ним краем ока, упрямо сцепив зубы и не высыпая горстку обратно в мешочек. Он вновь вернулся к Лирику. Домовёнок смотрел ему прямо в очи. Не то боязливо, не то зло. Но Арно приметил, как Лирик тянется к рукаву, быстро смекнул, что он хочет спрятать метку, молниеносно, броском сыпанул порошок на метку и рванул к окну. Ильдар Аксанович схватил его за плечо и было потянул на себя, но Арно распахнул дверцу навесного шкафчика, где хранились крышки, и сдёрнул полную поставку вниз. Лирик, резко вскочивший, ударился головой об дверцу, а Ильдар Аксанович, тихо выругавшись, отпрянул. Арно выскользнул из его хватки и ринулся к окну. Ильдар Аксанович за ним.

Окно с легкостью распахнулось.

Один момент.

Пальцы надзирателя коснулись мантии, но она выскользнула.

Арно спрыгнул на мягкую траву и ринулся к калитке. Ильдар Аксанович высунулся наполовину из окна и сплюнул: этот гаденыш был не один — от Арно не отставал и Брен. Надзиратель не терял ни минуты — даже не думая о выходе, он сам выпрыгнул через окно вслед траунийцами. Но у калитки след уже простыл. Ни слуху ни духу — трауфинийцы скрылись. Ильдар Аксанович внимательно оглядел ночную улицу и, оставаясь начеку, зашёл домой. После этого случая в избе Татариновых свет в окнах ещё долго не погасал.

¹Бывать (старослав.) — жить.

²Краль (старослав.) — король

³Гарип (здесь) — Странник, иноземец.

Глава 3 «Пробуждение»

Жуткая боль в голове заставила разлепить очи. Лирик только и смог простонать, еле перевернувшись на другой бок. Только заселился и тут же заболел... Ну, супер! Что ещё можно сказать?

Утренний ветерок развеивал тюль, наполняя избу прохладой. Несмотря на ломку в теле и полуотключенную голову, Лирик слез с печи и поплелся к окну. Солнце разливалось золотцем, наполняя им избу, а ветер покачивал своей колыбелью верхушки деревьев. Взяться за ручки окон Лирик не успел — на водоотлив¹ ловко запрыгнул Пончик. Он нагло спрыгнул на пол и начал верещать:

— Сегодня встретил такую славненькую кошечку, Снежинку... Мышку приносил ей, от других котов защищал, а она что? К другому сбежала! Сестрички говорили, что она само... Самоля... Самолю... Самолюбивая! Во! Фр! Я не послушал! Дымка небось начнёт задирать: «А я говорила! Говорила же!» Вот что мне делать, а? Мр!

Забравшийся на стул, котёнок взмолился взглядом. Он недолюбливал домовёнка, но ныне ему необходимо проговориться. Лирик ничего не ответил, лишь за столешницей наливал молоко в кошачью миску и проклинал и ночь за тот случай, и утро за плохое самочувствие. Вот как тут искать позитив, а? Руки его подрагивали и могли вот-вот выронить миталлическую чашечку.

Вдруг боль резко усилилась, словно невидимая стрела прошла насквозь. И Лирик, схватившись за голову, врезался в стену. Миска перевернулась, распуская белые молочные реки по кухне. Распластавшись на полу, домовёнок жалобно провыл:

— Пончик... Быстро... к Кину! Да... Да за кем-нибудь!

Превратившийся в пушистый комок Пончик молниеносно прыгнул на подоконник и в панике, совсем позабыв о уже закрытом окне, стукнулся о стекло. Лирик истошно закричал, сворачиваясь в клубок — острая боль пронзала насквозь тело. Пончик в панике метался из стороны в сторону. И вдруг резко остановился около Лирика. Ярко-красный огонёк, просвечивающийся сквозь рукав, расползлся по руке — медленно её обвивали, по всей видимости, тонкие стебельки, распускаясь где-то цветами и листочками. По крайней мере, они «украшали» и пальцы. Лирик извивался. Был. Якобы цеплялся руками за доски, но руки скользили, оттого создавалось впечатление, что он как кот царапает пол. Пончик нервно дёрнул ушком.

— Ты окно закрыл, — глухо сообщил он. — Я выйти не могу.

— Сей... час... — сипел домовёнок, ухватившись за голову. — Минутку.

Узоры продолжали ветвиться, распускаться и уже выглядывали из-под ворота косоворотки. Однако, невзирая на боль, ударившую по всему телу, Лирик нашёл силы встать. Он, всем весом опираясь о столешницу, а потом и о печку, медленно доковылял до окна и распахнул его. Прохладный воздух ударил в лицо, приводя остаточные мысли в порядок. Лирик облегчённо выдохнул. Пончик не терял минуты и тут же выпрыгнул на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.